

Видит долины, видит холмы.
Стал возле выгона, на бугорке.
Ветер носился вокруг налегке.
Пан выжидал со свирелью в руке.
Не углядел ни дымков, ни крыш.
Стукнул копытом, увидев мышь.

Не было там ни шумов, ни тревог.
Выгон иссох и скотину не влёт,
разве что соли полижет бычок
да заиграются дети крестьян,
вовсе не зная, что это за Пан.

Бросил свирель заскучавший старик,
глянул грустнее любых горемык.
Прежде знал он лишь сойкин крик,
прежде любил ястребиный зык.
К нынешней музыке он не привык.

Видит, настали не те времена.
Весь можжевельник в объятиях сна.
Песня свирели ему не нужна.
Каждая птица, любой василёк
предпочитают простой ветерок.

Голос языческой радости сник.
В мире иной животворный родник.
Пан оказался теперь безъязык.
Смотрит вокруг, и везде неоглядь:
"Что мне играть? Для кого мне играть?"

